

Признание женщины столь необыкновенной

Иллюстрации предоставлены автором

За два столетия изучены, казалось бы, все источники и документы, касающиеся Надежды Андреевны Дуровой. Но автор очерка сумела снять бронзовую окалину с имени героини 1812 года, по-новому прочесть книгу Н.Н. Блинова о землячке и приготовила читателю сюрприз из новых краеведческих находок: переписку с книгопродавцом Лисенковым, фото и исторический материал об украинской родине и польско-украинской родословной героини, более глубокую психологическую характеристику ее. Для автора — врача, психолога, краеведа, патриота города Надежда Дурова несомненно является «гением места» родного ей по духу Сарапала.

◀ Н.А. Дурова.

И сейчас в эпоху гендерной революции мы все еще разгадываем загадку, которую А.С. Пушкин обозначил овидиевским «modo vir, modo foemina» (то мужчина, то женщина), а В.Г. Белинский назвал «дивным феноменом нравственного мира». И было за что. Философия Надежды Дуровой была простой, высокой и мужественной: «Неустрасимость есть первое и необходимое качество воина; с неустрасимостью неразлучно величие души, и, при соединении этих двух великих достоинств, нет места порокам или низким страстям». В малоизвестной статье Надежды Андреевны 1858 года из архива М.П. Погодина ясно выражено ее кредо: «В наше время женщина скучающая, не умеющая найти себе занятия, утомленная бездействием, такая женщина более неуместна, чем когда-либо! Теперь, более чем когда-либо, нужны русскому обществу женщины деятельные, трудящиеся, разумно сочувствующие великим событиям, которые происходят около них, и способные вложить свою лепту для того

удмуртия

Наталья Запорожцева

Медик, краевед, педагог-психолог, журналистка. Попав по распределению в Сарапал, сотрудничала в одноименной независимой газете. Активно занимается поисковой работой, ведет большую историко-краеведческую переписку. Является организатором и руководителем школьного музея «Сарапульская старина».

▼ Антонина Пальшина.

Василиса Кожина. ▼

С этих слов А.С. Пушкина из предисловия к «Запискам Н.А. Дуровой» читающая Россия впервые узнала о «кавалерист-девице». Дважды в XIX веке обрусевшая панночка Надежда Дурова приковывала к себе внимание всей России. И когда показывала чудеса отваги в мужском обличье, и когда выпустила свои «Записки кавалерист-девицы». «Все с изумлением увидели, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют пером быстрым, живописным и пламенным».

«Вот уж два столетия с тех прошли времен, но звенят созвучья доблестных имен», — написала землячка Надежды, киевская поэтесса Наталья Сележинская.

▲ Сарapul. Старцева гора.

▶ Вид со Старцевой горы на Симонику.

здания общественного блага и устройства, которое воздвигается общими усилиями. Теперь русскому обществу нужнее, чем когда-либо, не женщины-космополитки, а русские женщины во всем прекрасном значении этого слова!»

За два столетия эти мысли не потеряли своего значения. Такой русской женщиной, во всем прекрасном значении этого слова, была написавшая эти строки Надежда Дурова, показавшая первый пример такого подъема духа в особе «слабого пола», писал Н.Н. Блинов. А разве не таковы были гроза французов партизанка Василиса Кожина, некрасовские женщины, другая сарапульская кавалерист-девица — героиня гражданской войны Антонина Пальшина, — они, не задумываясь, осилили мужское поприще, когда родина позвала.

Изучая детство Н.А. Дуровой, начинаешь понимать истоки ее столь оригинального образа жизни для чопорного светского XIX века. Ребенок, которого в младенчестве выкинула из кареты мать, едва ли выжил бы: нелюбовь материнская не оставляет шансов на выживание. Но в девочке текла польско-украинская кровь, воспламеняющаяся от военных рассказов отца и усатого няньки — денщика

Астахова. И своего «большого улана» очень любил отец, человек незаурядный, с которым повезло не только Надежде, но и городу Сарapul, ибо Андрей Васильевич Дуров был не только любящим отцом, но и заботливым городничим Сарапупла более 30 лет. Замечено, что дети, обделенные любовью в детстве, часто становятся выдающимися. Неудовлетворенная потребность в любви гиперболизирует потребность в признании, толкает к самовыражению.

Юность Надежды — это легендарная, замечательная история города Сарапупла, обросшая мифами и преданиями. И когда эту историю послушали музейщики Бородинской панорамы, они воскликнули: «Как, разве Надежда Дурова сарапульская, а не елабужская?». И я ринулась защищать честь Сарапупла. Слава елабужцам, создавшим музей Надежды, и раскрутившим этот «бренд» на всю страну. Но сама Дурова называла Елабугу пещерой,

а Сарapul — местом, где «цвело ее детство». Мы же уверены, что «кавалерист-девица» — наш «гений места», так близки и родственны они с Сарapulом по духу, своенравному и вольнолюбивому.

Не спешите, елабужцы, хвататься за шпаги! Конечно же, Надежда Дурова — наше общее достояние: и Сарapul, и Елабуги, и Украины, и, в конечном счете, символ доблести и отваги женской! Но соперничество городов за «своего» гения места неизбежно. «Городом Надежды» называем мы свой старинный город Сарapul. Здесь успешно создавали «образ места», кроме Н. Дуровой, такие лите-

▲ Пристань в Сарапуле.

◀ Река Удай.

раторы, как Н.Н. Блинов, С.Н. Миловский, Л. Будогская, З. Ерощкина и др.

Итак, детство праправнучки пириятинского сотника Г. Ограновича, украинки Ф. Горленко и ссыльных польских шляхтичей Туровских цвело на высокой камской круче — сарапульской Старцевой горе, где для испытания смелости и до обморока матери она изображала «ласточку» на самом краю обрыва. Отсюда было чудесно скакать домой на любимчике-коне Алкиде и любоваться величественной Камой! А сколько поэзии в ее воспоминаниях о Сарапуле! «Я остановилась взглянуть еще раз на прекрасный и величественный вид, открывающийся с горы: за Камою, на необозримое пространство видны были Пермская и Оренбургская губернии. Темные, обширные леса и зеркальные озера рисовались, как на картине. Город у по-

дошвы утесистой горы дремал в полуденной тишине; лучи месяца играли и отражались на позолоченных главах собора и светили на кровлю дома...» «Да, за эту прекрасную картину нужно было бороться с оружием в руках!» — замечает Н.Н. Блинов, первый сарапульский историограф Н.А. Дуровой. Такое же восторженное описание Камы мы находим в позднейшей повести Дуровой «Нурмека»: «Крутой, высокий берег осмью ровными уступами спускается к родимой реке моей. К ее быстрому, чистому, светлым струям ведут эти огромные природные ступени. Какое величие! Какое великолепие! Как прекрасна, как благородно прекрасна страна...»

Это полное жизненных чувств сангвиническое описание Камы многое открывает в характере Надежды Дуровой. Не случайно сангвиник А.С. Пушкин, творчеством своим создавший полнокровный, «вкусный» русский язык для всей страны, оценил родственное полнокровие слога и природы «кавалерист-девицы». И добрая жалостливость стареющей Дуровой к бездомным собакам того же происхождения. Как пишет известный психотерапевт М. Бурно, сангвиник — один из самых здоровых типов личности, в котором бурлит ор-

ганизаторская энергия, стремление переделывать-переворачивать все вокруг, и бурная синтонная эмоциональность. Они стремятся оставить себя в памятниках — нерукотворных и рукотворных.

Здесь Надежду Андреевну выдали замуж, здесь родился сын, но семейная жизнь не сложилась, и Надежда приняла решение служить в армии. Разумеется, она отдавала себе отчет в дерзости своего замысла, попиравшего обычаи общества. Но вольнолюбивая натура Надежды не могла смириться с подчиненным положением, тягостной долей замужней женщины. Сдругой стороны, в тот период для мужчин из дворянских семей служба в императорской армии была делом чести. Вся предшествовавшая необычная жизнь Нади — младенчество на бивуаках, усатый нянька, военный путь отца, любовь к лошадям, юношеская смелость и проказливость, отвращение к женским занятиям, — подготавливала ее к необычному пути. И сабля отца, висевшая на стене, «казалась горящей». И вот она вырвалась! «Воля — драгоценная воля! — кружит восторгами голову мою от раннего утра до позднего вечера», — пишет она.

Родилась будущая кавалерист-девица под Киевом на бивуаке, когда ее отец был в польском походе. И до шести лет росла в Малороссии — в имение Свечек-Стороженко-Александровичей «Великая Круча» — Полтавской губернии на реке Удай. В XVII веке, проезжая по этой местности, поляк Семен Сели-

тринник просто-таки влюбился в природу и поселился на никем не занятой земле. Восстание Хмельницкого заставило хозяина оставить эту местность. Князь Ярема Вишневецкий распорядился построить дамбу и мельницу. Строительство завершил в 1682 г. влиятельный пирятинский сотник Л. Свечка. «Амбициозный людина» Леонтий Свечка — есаул, позже полковник Лубненского полка, хитростью присвоил эти земли. Его внучка, Домна, после бракосочетания с И.А. Александровичем получила имение и земли Кручи в наследство.

Прадед Дуровой по материнской линии Григорий Корнеевич Огранович (1674–1757) — мещанин, Пирятинский сотник (1719–1751). Первой его женой была Анна Леонтиевна Свечка, а второй женой — Феодосия Дмитриевна Горленко, в браке с которой родилась Ефросинья Григорьевна — бабушка Надежды Андреевны. Мать Дуровой из рода дворян Александровичей.

С ними связана трагическая любовь будущего князя Смоленского М.И. Кутузова... «Была на свете женщина,

Стороженко гласит, что М.И. Кутузов еще в маленьком чине стоял с войском в Пирятине, где и познакомился с семьей Александровичей и стал часто бывать у них в с. Великой Круче. Ему приглянулась Ульяна Ивановна, отвечавшая ему взаимностью. Уже был назначен день свадьбы, но вдруг невеста заболевает горячкой. Жених был в отчаянии. Она не умерла, но, увидевши в болезни перст Провидения, решительно не хотела «завязывать ему свет». Она сохранила к любимому человеку тихую, святую привязанность и добрую память до последних лет своей жизни (умерла в 1836 г.). Сберегла как драгоценность несколько писем от Кутузова и, когда умирала, приказала положить их к ней в гроб под голову. Кутузов умер на 23 года раньше вдали от дома, в Бундлау, преследуя остатки армии Наполеона».

«В конце 18-начале 19 века в прикамском крае среди разнородного, инородческого населения — башкир, татар и др. — было неспокойно, — писал Н.Н. Блинов. — Не проходило года, чтобы не появлялись разбойни-

ковника Балобанова, о котором рассказывали ему новочеркасцы. Может быть, этот добрый гений — командир полка майор Степан Федорович Балабин (1759–1818 гг.), дом и семью которого в станице Раздорской подробно описала Н. Дурова? Н.Н. Блинов приводит о первых годах службы Надежды Андреевны формулярный список коннопольского полка товарища Соколова 6 ноября 1807 года и отзывы начальствующих лиц: «Товарищ Александр Васильев, сын Соколов, 17 лет. (На самом деле ей было тогда 24 года — Н. Н. Б.). Рост 2 аршина 5 вершков, лицом смугл, рябоват, волосы русые, глаза карие. В службе с 1807 года марта 9 числа. Был в походах в Пруссии и в действительных с французскими войсками сражениях, 1807 года ... под Гудштатом, под городом Гельзберхом, под Фридландом ...».

А в рапорте Государю генерал граф Буксгевден (13 ноября 1807 года) отмечал отличное поведение Соколова и ревностное прохождение своей должности. Сам шеф — полка генерал-майор Каховский хвалил такое его служение, усердие и расторопность и убедительно просил оставить Соколова у него в полку.

Дружески расположенные к нему офицеры Литовского уланского полка отпускали шутки о безусости улана. Хозяйка трактира в 1807 г. в Витебске называла юного унтер-офицера «Улан-панка», жены офицеров Мариупольского гусарского полка звали его «гусар-девка». Н. Дурова, действительно, не была мужеподобной, — тонкокая, худощавая, легко краснеющая, скорее напоминала юношу.

Она отдала военной службе 10 лучших лет жизни, была ранена, лечилась

▲ Собор в Сарапуле.

которая ежечасно молилась за него, для которой он на всю жизнь остался первой и единственной любовью. Это Ульяна Александрович. Она родилась в 1754 году в семье малороссийского дворянина, лубненского подскарбия (казначей) Ивана Ильича Александровича. Семейство Александровичей было не только богатым, но и родовитым. Александровичи состояли в родстве с гетманом Полуботком, митрополитом Иосифом Тривной... Кстати, родовитость Александровичей стала причиной того, что они отказались выдать младшую дочь замуж за известного офицера Дурова, и он вынужден был похитить невесту. Судьба любимой дочери Ульяны оказалась намного трагичнее. Семейное предание

чьи шайки, которые с полным при них оружием причиняли жителям великие грабительства и тиранства». Разбои начинались со вскрытием рек и заканчивались осенью. Местные военные силы были недостаточны. Поэтому в Сарапуле на лето расквартировался отряд донских казаков. Надежда Андреевна, по отзывам лиц, знавших ее, познакомилась с казацким есаулом. Казаки выступили из Сарапула 15 сентября 1806 года. Сбежав из дома, явившись в казацкий отряд, Надежда Андреевна поступила к есаулу в виде денщика или конюха. Кто же был этот казак? И.Т. Лисенков называет фамилию пол-

▼ Н.А. Дурова.

Надежда Андреевна Дурова, 1783 — 1866
Nadezhda Andreevna Durova, 1783 — 1866

после ранения в Сарагуле, на рапорт о продолжении военной службы получила отказ.

«От нечего делать», в Елабуге с 1839 г., Н.А. Дурова занялась литературным трудом. За четыре года написаны 10 произведений. Дурова любила изображать все необычайное, трагическое. Брат Дуровой, повеса и картежник, был знаком с А.С. Пушкиным и предложил поэту записки сестры. Они понравились поэту, и сияние имени Пушкина озарило «Записки» Дуровой. Литературное достоинство их было так велико, что некоторые приняли их за мистификацию со стороны А.С. Пушкина. Великий поэт опубликовал отрывок из них в «Отечественных записках» и предложил издать «Записки», но писательница, занявшая у сестры 800 рублей перед поездкой в Петербург, торопилась и нуждалась в деньгах. В результате 900 экземпляров «Записок кавалериста-девицы. Происшествие в России» в 1836 году издал ее двоюродный брат Иван Григорьевич Бутовский. Он же продал часть тиража книгопродавцу И.Т. Лисенкову. Врач, писатель и переводчик Иван Григорьевич Бутовский (1785–1859) был штабс-лекарем с 1842 г. в киевском и тарутинском военном госпитале, в 1858 году написал книгу о фельдмаршале Кутузове, где отметил, что «Михайло Ларионович часто посещал дом деда». Дурова неслестно пишет о братце: «Все было бы хорошо, если б я, на беду свою, не отыскал двоюродного брата своего Бутовского. Он все дело испортил... он принялся распоряжаться всем, что касалось до издания Записок, по-своему. Горе овладевает мною даже теперь, при воспоминании, что лучшее дело мое в жизни было им втоптанно в грязь. На Записки мои еще прежде появления их в свет напала толпа порицателей и клеветников. Чего никогда не случалось бы, если б издателем их не был сумасброд». Князь П.А. Вяземский также охарактеризовал Бутовского как «набитого дурака, сотрудничество которого (в журнале «Современник» — Н.З.) было бы бесполезно или даже вредно...» В подтверждение этих характеристик в фондах Десницкого в НИОР РГБ нашлась любопытная переписка Дуровой с петербургским книгопродавцом И.Т. Лисенковым в 1838 году, рассказывающая о скандальном эпизоде. Книгопродавец был управляющим книжным магазином, принадлежавшим московскому купцу Андрею Васильевичу Глазунову. В двух письмах Лисенков жалуется на «кавалерист-девицу»: «Господин штабс-ротмистр Александров в начале нынешнего года приходил ко мне в книжный магазин и предлагал купить 1000 книг его сочинений под названием «Кавалерист-девица». Я объявил ему, что имею много экземпляров, купленных мною у издательства, родственника сочинителя г-на Бутовского, и что я не имею надобности купить более. Г. Александров тоном довольно невежливым сказал сердито: «Родственник меня обокрал, а ты покупаешь их у него! Ты знаешь, что я сочинитель, почему другие покупают от меня, а ты у него?! Это просто плутовство!» Я объяснил г. Александрову, что г. Бутовский человек высокоблагородный и что он продавал эти книги за собственное издание. Тогда г. Александров предложил мне 1000 экз. по 1 рублю. Я согласился. Г. Александров вдруг говорит: «Подлец ты, мошенник, этакая дурацкая рожа, смеешь смеяться?!» Г. Александров плюнул и ушел. Я полагал было обжаловать начальству, но перенес страдальчески, и тем кончилось. Наконец, г. Александров явился ко мне в октябре и сказал: «Я печатаю новую книгу под названием «Один год жизни в Петербурге». Хочешь купить у меня? Ты знаешь, я пишу не худо, меня читают, там и на тебя пасквиль есть (инициалы книгопродавца — Н.З.) и на моего родственника Бутовского». На другой день я написал г. Александрову, что если это правда, что за непокупку книг меня карикатурно печатали, это нехорошо: «Я уважаю Вас как писателя с дарованием и имею Ваш портрет в магазине. Если правда, что Вы меня очернили пред публикой без вины, то я буду отвечать Вам тем же!» И напоминаю г. Александрову его скромное путешествие на Дон с казачьим полковником Балабановым, о котором мне рассказывали в Новочеркасске». Дурова же вот

лось бы, если б издателем их не был сумасброд». Князь П.А. Вяземский также охарактеризовал Бутовского как «набитого дурака, сотрудничество которого (в журнале «Современник» — Н.З.) было бы бесполезно или даже вредно...» В подтверждение этих характеристик в фондах Десницкого в НИОР РГБ нашлась любопытная переписка Дуровой с петербургским книгопродавцом И.Т. Лисенковым в 1838 году, рассказывающая о скандальном эпизоде. Книгопродавец был управляющим книжным магазином, принадлежавшим московскому купцу Андрею Васильевичу Глазунову. В двух письмах Лисенков жалуется на «кавалерист-девицу»: «Господин штабс-ротмистр Александров в начале нынешнего года приходил ко мне в книжный магазин и предлагал купить 1000 книг его сочинений под названием «Кавалерист-девица». Я объявил ему, что имею много экземпляров, купленных мною у издательства, родственника сочинителя г-на Бутовского, и что я не имею надобности купить более. Г. Александров тоном довольно невежливым сказал сердито: «Родственник меня обокрал, а ты покупаешь их у него! Ты знаешь, что я сочинитель, почему другие покупают от меня, а ты у него?! Это просто плутовство!» Я объяснил г. Александрову, что г. Бутовский человек высокоблагородный и что он продавал эти книги за собственное издание. Тогда г. Александров предложил мне 1000 экз. по 1 рублю. Я согласился. Г. Александров вдруг говорит: «Подлец ты, мошенник, этакая дурацкая рожа, смеешь смеяться?!» Г. Александров плюнул и ушел. Я полагал было обжаловать начальству, но перенес страдальчески, и тем кончилось. Наконец, г. Александров явился ко мне в октябре и сказал: «Я печатаю новую книгу под названием «Один год жизни в Петербурге». Хочешь купить у меня? Ты знаешь, я пишу не худо, меня читают, там и на тебя пасквиль есть (инициалы книгопродавца — Н.З.) и на моего родственника Бутовского». На другой день я написал г. Александрову, что если это правда, что за непокупку книг меня карикатурно печатали, это нехорошо: «Я уважаю Вас как писателя с дарованием и имею Ваш портрет в магазине. Если правда, что Вы меня очернили пред публикой без вины, то я буду отвечать Вам тем же!» И напоминаю г. Александрову его скромное путешествие на Дон с казачьим полковником Балабановым, о котором мне рассказывали в Новочеркасске». Дурова же вот

◀ Последний портрет Дуровой.

▲▶ Стела Н.А. Дуровой.

как рассказывает об этом: «Что за лживый человек этот Л...! По крайности, час кривлялся он, щурился, хмурился, вертел головою, улыбался, ухмылялся и облизывался, пока, наконец, решился сказать цену, какую даст мне за все мои книги... было от чего кривляться! При всей его бессовестности это были, однако ж, корчи совести. Он предложил мне

по рублю за экземпляр». Очевидно, торговец считал ее несведущей в делах. А Бутовский стал требовать изменения первоначального договора в обмен на помощь в продаже издания. Они поссорились.

В ноябре 1838 года Дурова гневно отбрила и Лисенкова: «Что за дьявольский вздор вы пишете ко мне, господин Лисенков? ...Что это за сатана такая? Если вас кто-нибудь дурачит, мне какое до этого дело? Если вы и теперь станете писать ко мне бестолковых писем, то буду отправлять их к обер-полицеймейстеру, с просьбою прекратить такие сумасбродные выходки. Александр». И просила г-на Лисенкова передать свой портрет знакомому, живущему внеподалеку.

Остатки от тиража купил благодарный книгоиздатель А.Ф. Смирдин по 7 рублей с полтиной за экземпляр и издатель Илья Иванович Глазунов. Это дало возможность «кавалерист-девице» уехать из Петербурга в Елабугу.

С 1837 г. брат Василий Андреевич вновь получил место городничего в Сарапуле, с ним переселилась и Н.А. Дурова и жила там до 1839 года. Но, по видимому, она не оставляла попытки создать что-либо достойное прежней ее славы. Уединялась не только в городе, но и жила по летам в деревне Смолино. Однако писательский талант покинул Надежду Андреевну. С этим она смирилась, и сама говорила, что уже не может писать так, как в прежнюю пору. Она переселилась в Елабугу и оставалась там до кончины.

«Вставала она всегда очень рано, — писал Н.А. Кутше, — в силу привычки прежней военной жизни. Часов в 7–8 утра она гуляла в сопровождении собак, которых до старости обожала, потом возвращалась и пила чай в окружении своих любимцев. Часов в 6–7 вечера она отправлялась опять на прогулку и заходила к кому-нибудь из соседей. Она была веселой собеседницей и шутницей, держала себя просто и доступно». Всегда она носила мужскую одежду — сюртук или фрак с солдатским георгиевским крестом; на голове у нее была высокая черная шляпа, в руке трость, на которую она опиралась. Имела поступь твердую, держалась как мужчина, и не любила, когда к ней обращались как к женщине, сердилась и делала резкие замечания. С виду она была мала ростом, худенькая, — «тончавая», шадровитая (рыбавата лицом), отмечает Н.Н. Блинов. В 1863 г. Надежда Андреевна сфотографировалась в Елабуге. Это прижизненный и самый достоверный ее портрет, ей здесь 80 лет. Зная доброту Надежды

Андреевны, к ней обращались очень многие с просьбами о защите или помощи перед местным начальством; и она ходатайствовала, сколько могла, писала рекомендательные записки или прошения к высшим лицам, даже на Высочайшее имя.

Елабужский городничий И.И. Ерлич и члены его семьи находились в дружественных отношениях с г. Александровым. Но когда городничего донимали многочисленные просьбы штабс-ротмистра за своих клиентов, он прибегал к жестокому средству. Он встречал штаб-ротмистра словами: «А, здравствуйте, многоуважаемый Александр Андреевич!.. Прошу покорно...» и в эти же минуты он говорил: «А, мое почтение, Надежда Андреевна, как поживаете?» Затем, как будто спохватившись, прибавлял: «Ах, извините, пожалуйста; а я, было, принял вас за одну свою знакомую...» После такого приветствия лицо штаб-ротмистра обыкновенно покрывалось густым румянцем, затем делалось страшно бледным. Через минуту «штаб-ротмистр» вставал и... уходил. Недели через две-три городничий и штаб-ротмистр мирились и снова начинали жить по-прежнему дружно до новой фразы: «А, здравствуйте, Надежда Андреевна...»

Средства Надежды Андреевны были ограничены, — она получала пенсию лишь тысячу рублей (ассигнациями) в год; а с деньгами совсем не умела обращаться; с нуждающимися она делилась последним. После смерти у нее нашли один рубль.

Находясь в отставке, первое время она любила общество, играла в карты, любила танцевать (за кавалера) на балах с внучатой племянницей городского головы Ивана Васильевича Шишкина 12-летней Ольенькой Груздевой. Делала частые прогулки пешком и на лошади. Дружила она со священниками Спаским и о. Петром Кулыгинским. Но постепенно стала удаляться от знакомств, отдаваясь покойной обывательской жизни. Даже занималась женской работой — вышиванием и вязанием. Она не любила вспоминать о прежнем славном времени, своих подвигах, никогда в отставке не надевала военную форму даже в высокотожественные дни. К литературной славе своей она относилась более чем равнодушно. В одной квартире с родственниками она никогда не жила. В Сарапуле жила во флигеле. В Елабуге приобрела дом на Московской, уютный особнячок с цокольным этажом для прислуги, с каретником, конюшней, баней. К дому примыкал обширный сад с фруктовыми деревьями и ягодником. Для услуг у нее был отставной служака-ветеран Степан,

ходивший за своим барином как за малым ребенком. Степан был мастер на все руки: он был и дворник, и повар, на обязанности его лежало кормить и досматривать полдочкины собачек, подобранных с улицы или подобранных со стороны. Одним словом, он мог исполнять какую угодно должность в доме своего нетребовательного хозяина. Но зато последний и любил же своего Степана! Слуга пережил своего хозяина, имел средства, приобрел дом, и доживал, говорят, в Казани, уже дряхлым стариком.

В старости лицо ее отличалось белизной и приятностью, пишет Н.Н. Блинов о последних годах Надежды Андреевны. Такие умиротворенные лица бывают у людей, хорошо проживших свою жизнь и выполнивших свое предназначение. Да, она осуществила все, к чему стремилась ее душа, и отошла в мир иной с сознанием исполненного долга. **FC**

